

УДК 070.23(1-32) + 82'06

Ю. С. Подлубнова

ГРУППОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЯЗЫКИ САМООПИСАНИЯ МОЛОДЫХ УРАЛЬСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «НА СМЕНУ!» (1925–1929)*

Исследование посвящено литературной странице свердловской газеты «На смену!» и более всего рубрике бесед с начинающими писателями (1925–1929), которые вели руководители и активные участники литературной группы «На смену!» В. Макаров, В. Тарбеев, С. Васильев и др. Беседы и критические статьи в газете позволяют описать групповые идентичности (а речь идет именно о множественных идентичностях) молодых уральских литераторов, большей частью поэтов, и проанализировать языки их самоописания. Литературная страница «На смену!» запечатлела основные моменты, связанные с появлением, самоопределением, изменением политического курса и смычкой литгруппы «На смену!» в 1926–1927 гг. с более обширным и четко управляемым вапповским движением.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературная группа «На смену!»; литературная жизнь Урала 1920-х гг.; региональная печать; УралАПП; групповая идентичность; языки самоописания.

Литературная жизнь 1920-х гг. с ее специфической литературой «полуписателей-получитателей» [16, 346] располагала к образованию групп и формированию групповых идентичностей, и Урал в этом плане не являлся исключением. Как показывают исследования Н. С. Журавлевой, общее веяние эпохи — создание и функционирование писательских группировок — не обошло уральскую провинцию. Оно затронуло и Свердловск, ставший в 1920-е центром общественной и литературной жизни региона, и Пермь, в 1923 г. утратившую губернский статус, но не растерявшую творческий и интеллектуальный потенциал, и южноуральские города, стремящиеся набрать культурный и литературный вес [19–21]. Приведем также высказывание М. Батина: «Именно тогда, в первой половине 20-х годов зарождаются в Свердловске и области многочисленные кружки, предварившие возникновение областной писательской организации. <...> Литературные кружки создавались и в окружных городах огромной Уральской области...» [2, 6]. Однако если после революции и в начале 1920-х гг. кружки и группы возникали чаще всего спорадически, под влиянием различного рода инициатив (к примеру, таковы были екатеринбургские «Улита», «Мартен»), то постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г. в корне

---

* Исследование подготовлено в рамках проекта РГНФ «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века» № 16-04-00118 а.

ПОДЛУБНОВА Юлия Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры издательского дела Уральского федерального университета; научный сотрудник сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН; заведующий музеем «Литературная жизнь Урала XX в.» Объединенного музея писателей Урала (e-mail: tristia@yandex.ru).

изменило ситуацию, сделав «завоевание позиций в области художественной литературы» [14, 54] задачей сугубо государственной, требующей выработки способов влияния политической повестки на стратегии самоопределения литераторов и их творчество. Уже к 1927 г. литературные группировки утратили возможность творческого лавирования и были либо распущены, либо преобразовались в вапповские структуры, напрямую курируемые органами власти. Еще одно известное постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г., упразднившее ВАПП и создавшее основу для образования Союза писателей, лишь завершило общий процесс встраивания региональных писательских групп во всесоюзную систему управления литературой.

Несомненный групповой характер литературной жизни в 1920-е гг. — особенно это касалось регионов — был обусловлен целым рядом факторов, в частности, традициями литературной борьбы, заложенными предшествующей эпохой с ее течениями, группами и кружками; отчетливо обозначенной ставкой новой власти на коллективизм и коллективные формы проявления гражданской и любой иной активности, в том числе интенсивно взращиваемым рабкоровским движением; немислимой без соратников борьбой за право определять будущее страны и советского искусства (признание насменовца К. Боголюбова: «У нас у всех было страстное желание участвовать в создании новой, пролетарской культуры» [3, 95]); массивным приходом в послереволюционную литературу молодых авторов «от сохи и станка» (ставка Л. Троцкого на молодежь [27, 74]), не имевших хорошего образования и существенного опыта работы со словом и объединившихся под лозунгами литературной учебы (московские «Молодая гвардия», «Рабочая весна»). Так, в Свердловске в 1925 г. при одноименной молодежной газете создается литературная группа «На смену!», получившая покровительство В. Ермилова. Из воспоминаний писательницы Е. Медяковой: «Десятки молодых (и немолодых) поэтов приходили со своими стихами в редакции газет. <...> Чтобы как-то организовать стихотворцев и поток их стихов, редакция комсомольской газеты “На смену!” собрала их однажды в полупустой комнате, где были расставлены скамьи из простых досок. Здесь работал “Клуб рабкоров”. В этой комнате и родилась в декабре 1925 года литературная группа, принявшая название молодежной газеты» [35, 101–102]. Примечательно, что у свердловской группы молодых авторов не было ярко выраженной эстетической позиции, зато «вслед за “Октябрем” “насменовцы” нацеливались на борьбу за развитие пролетарского движения и партийность в литературе» [17, 242]. На практике же многие авторы в своем творчестве решали задачи, далекие от идеологических и политических.

Примечательна и судьба этой литературной группы: в конце 1920-х она подверглась «чистке» и вынуждена была обновить свои политические установки, в начале 1930-х оказалась без прежних лидеров и знаковых фигур, обвиненных в движении «от станка к богеме»¹, и была преобразована в СвердловАПП, молодежную структуру УралАППа.

---

¹ Так называлась разгромная статья К. Боголюбова, в 1929 г. оставившего «На смену!» и вошедшего в секретариат УралАППа [4].

Однако пример группы «На смену!» убеждает в том, что попытки искусственно сформировать групповые идентичности региональных литераторов не всегда приводили к регламентации их творческих практик: занятие литературой зачастую формировало запрос на повышенную меру свободы, и даже авторы, пришедшие в литературу от станка или с рабфака, могли выйти за пределы установленных идеологических и художественных границ.

В связи с осознанной необходимостью контролировать и одновременно формировать литературное движение региональные газеты 1920-х гг. стали активно осваивать формат литстраницы — своеобразной витрины, позволяющей демонстрировать творческий потенциал различного рода групп писателей и одновременно обозначать политические и художественные приоритеты этих групп. Литературные страницы открыто демонстрировали, о чем и как надо писать, какие темы поднимать, как правильно к ним подходить, какой язык использовать. Литературная страница газеты «На смену!», функционировавшая всю вторую половину 1920-х гг., не стала исключением: ее содержание в контексте эпохи довольно типично. Через литстраницу «уральская комсомолия и всесоюзная молодежь найдет правильную дорогу художественно отразить все моменты нашей жизни, нашей работы, нашей борьбы...» [15].

Литстраница была наполнена большим количеством малых жанров: стихотворениями, рассказами, очерками и пр. При этом критика (статьи и рецензии) в газете была представлена весьма эпизодически, да и критиков, как вспоминает К. Боголюбов, в Свердловске был дефицит [3, 92], тем более молодых, на которых был явный газетный запрос. Однако в рамках литстраницы «На смену!», помимо редких статей, которые мы не обойдем в нашем разговоре, появилась очень живая форма литературно-критического высказывания: беседа-обучение, предполагавшая передачу опыта от одних авторов другим.

Надо отметить, что все авторы «На смену!» были молоды и объединены безусловным пониманием, как должна развиваться советская литература. «Новые писатели нам нужны, нам необходимы новые литературные силы. Значит наша задача — помочь начинающим писателям в их дальнейшей работе, взять над ними культурно-литературное руководство», — в духе времени сформулировал общую позицию насменовец В. Реут [37]. Насменовцы, а по факту те самые новые писатели, которые должны прийти на смену «старым», испорченным буржуазной идеологией, призывали учить друг друга и начинающих авторов литературному мастерству. Учить, используя самые разнообразные инструменты и площадки, ибо «ударники были всем хороши — управляемые, внушаемые, амбициозные, энергичные, не слишком рефлексирующие, — кроме одного: они не умели писать» [16, 381].

«Беседа с начинающими писателями» как газетная рубрика и как форма литконсультации образовалась из довольно традиционной газетной формы ответа на письма читателей. Так, в номере от 25 января 1925 г. была опубликована заметка «Наше творчество», подписанная В. Брутом, где говорилось, что «На смену!» получает «...много стихов, рассказов от начинающих писателей-комсомольцев. Все эти авторы нуждаются в совете, в указании и пр.», и далее отмечалась необходимость

«давать краткие обзоры» тех произведений, которые в газету не попадают, и тут же, в этой заметке, приводился образчик подобного обзора [5].

Стоит обратить внимание и на обобщающее обозначение В. Брутом в качестве начинающего писателя всякого, кто присылает свои тексты в газету. Подобная щедрость критика объясняется не только задачей вовлечения молодежи в литературное творчество. Очевидно, что перед нами эксплицитная литературная рефлексия, сопровождающаяся в том числе саморефлексией автора, взявшего на себя функцию учителя словесности, а также представителя газеты, работающей на обслуживание госзаказа. После образования в 1925 г. литгруппы обзоры станут единственной формой нехудожественного высказывания в рамках литературной страницы газеты «На смену!», удобной площадкой для выработки определенных приемов самоописания литгруппы.

Для начала формат подобной беседы предполагал размежевание на состоявшихся литераторов — тех, кто наделен правом давать советы, — и начинающих — тех, кто только пытался войти в литературу и априори нуждался в подобного рода советах. Насменовцы, взявшиеся вести рубрику, по своему возрасту прямо соотносились с пишущими в газету. Например, в разное время начинающим давали советы В. Макаров (1905 г. р.), В. Тарбеев (1906 г. р.), С. Васильев (год рождения не установлен). За их спиной были учеба на рабфаке, работа в литературной группе, целый ряд публикаций в свердловских газетах и журналах, которые как раз и подтверждали их статус состоявшихся литераторов. Осознание статуса и определенный опыт литературной работы задавали дистанцию между учителями и потенциальными учениками. Стоит ли удивляться, что тема молодости учителей никак не фигурировала в беседах, будучи предметом рассуждения в лучшем случае сторонних наблюдателей. Зато молодость начинающих писателей декларировалась как самими начинающими, подписывающимися, например, «Комсомолец», «Юнкор Октябрьский» или «Тарбеев-Комсомольский», так и теми, кто отвечал им от имени газеты: «Ленинцу. Не советуем писать о богах, чертях и т. д. Как живет наша молодежь — вот о чем пиши» [36]; «Комсомол — самое близкое, самое дорогое для нашей молодежи, вот почему наш растущий литературный молодняк с такой любовью и хозяйской внимательностью пишет о комсомоле» [12].

Позиция, вольно или невольно подразумевающая деление на старших и младших, манифестировалась обращением «на ты» и различными императивными конструкциями. Например, Докучаеву, написавшему стихотворение «Красноармеец», газета отвечала: «Нужно тебе не только больше читать, но надо учиться первоначальной грамотности» [38]. С приходом В. Макарова в качестве литконсультанта тональность несколько изменилась, появилось нейтральное третье лицо в разговоре об авторах и главное — форма множественного числа: «Мы советуем тов. Селяеву от описания страшных космических вещей перейти к описанию и отображению простых советских будней» [30]. Что значило «мы» В. Макарова, столь далекое от всеобъемлющего пролетарского «мы», по замечанию М. Левченко, «переносащего на авторское “я” свойства “мы” с одновременной потерей свойств собственно “я”» [28]? Было ли это «мы» коллективного субъекта литературной группы? Или оно появилось здесь из университетских аудиторий

и академических штудий, надо думать, не чуждых рабфаковцу В. Макарову? «Мы» в многочисленных контекстах газетных бесед, разумеется, имело различные денотаты, но так или иначе, прямо или косвенно указывало на концепцию коллективности литературного творчества, несомненно разделяемую авторами бесед, а также на наличие общей идентичности у учителей и учеников, которая определялась даже не через молодость участников литературно-газетного процесса, но через принадлежность к одной идеологической системе, существенным образом влияющей на пишущего. Не случайно и авторы бесед, и те, кто попадал в обзоры, столь часто рассуждали о комсомоле, его задачах и способах избрания комсомолки.

С приходом В. Макарова в рубрику заметно усилились пропагандистская и воспитательная составляющие. Новый ведущий бесед начинает целенаправленную борьбу с безыдейностью, с унынием в поэзии: «Вот стихотворение “Элегия”, автор которого (рабочий парень) скрывается под псевдонимом “Чепуха Чепухова” <...> Что это? Сплошное уныние, тяжелая безнадежность и незрелое безверие, которым не место в рядах рабоче-крестьянской молодежи...» [31]. Нередко В. Макаров корит молодежь за сцены, которым «мог бы позавидовать наш лучший порнографист Федор Сологуб» [29], или высказывается против легкомысленности «освещения серьезных бытовых вопросов молодежи» [32].

Осенью 1926 г. В. Макарова в качестве ведущего рубрики сменяет стремительно переместившийся из начинающих в состоявшиеся В. Тарбеев, более прямолинейный в своих высказываниях. К примеру, Е. Великанову, написавшему стихотворение «Трясина», он советует: «Но ты, как комсомолец, брось свою тоску и не закрашивай ее своими красными лепестками. Настроение у тебя есть: пиши бодро о простой жизни» [39].

Декларируемое стремление искоренить безыдейность и упадочничество в литературе не было обусловлено личными предпочтениями авторов бесед, но напрямую было связано с разворачивающейся кампанией по борьбе с декадентскими настроениями среди молодежи, заклеяемыми как «есенинщина»². «Происходит какое-то странное явление, — недоумевали наблюдатели. — В стране малокультурной, отсталой, где художественная литература проникает только в незначительные верхушечные слои, вдруг поэта Есенина, сочинения которого разошлись в десяти-пятнадцати тысячах экземпляров, делают знаменем общественного явления, происходящего в самых отсталых слоях рабочего класса. Этим дают флаг отсталым настроениям, под которым объединяются все мелкобуржуазные элементы, мелкобуржуазные писатели и поэты, мелкобуржуазная молодежь, не находящая себе места в процессе социалистического строительства» [42, XII].

21 октября 1926 г. «Литературная страница» «На смену!» выходит со статьей С. Васильева «Есенин и “хулиганство в стихах”», написанной в привычном формате литбеседы, с разборами текстов и советами, однако вместо тех, кто

---

² См., например, издание: Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М. : Изд-во Комкадемии, 1927. В него вошли тексты выступлений А. Луначарского, К. Радека, В. Полонского, В. Фриче, В. Ермилова, В. Маяковского, Л. Леонова и др. [42].

присылает в газету письма со стихами, в прицеле поэта и критика оказываются уже знакомые читателю В. Макаров и В. Тарбеев, что мгновенно понижает их символический статус в газете: из «живых классиков» их перемещают снова в разряд начинающих. «Хорош поэт Есенин, но плохи его настроения, — пишет С. Васильев, и сам не раз подражавший поэтическому кумиру молодежи. — Хороша его простота, но плохо то, что наши начинающие поэты не учатся этой простоте, а целиком берут его “паршивые” настроения» [9]. Критик обвиняет В. Макарова в «злостном закрывании глаз на жизнь настоящую, хорошую, ради которой мы боролись и которая не мираж, а действительность» [Там же]. «Да, Вася, если ты последуешь за Есениным, то здоровая рабочая молодежь тебя как своего поэта забудет» [Там же].

Есенинскую тему в газете подхватывает еще один насменовец А. Исетский (1896 г. р.), самый взрослый и, видимо, потому самый авторитетный из дискутирующих. Он подчеркивает, что пороки общества — бандитизм, проституция, прочие нарушения закона — не только могут, но и должны быть отраженными в литературе, и Есенин здесь не при чем. «Мы боролись и боремся за светлую и радостную жизнь», а не за «сусальную конфетку» [24]. Впрочем, такой ответ не означал реабилитации В. Макарова и В. Тарбеева, которые «взяли большую тему», но совершенно с ней не справились.

В 1927 г. пристально следящий за настроениями молодежи С. Васильев возглавил группу и продолжил вести литературные беседы. К теме «есенинщины» он вернулся 8 мая. Так, о стихотворении «В минуту жизни» Юнкора Октябрьского критик писал: «Автор сам не понимает, что с ним происходит, он увлекся чистенькими, но с грязной и вредной подкладкой стихами Есенина и подражает...» [11].

По сути, и С. Васильев, и А. Исетский перевели литературную беседу в плоскость сугубо политического разговора, уточняющего идеологический курс региональной литературы. Показательно, что «мы», которым оперировали критики, в данных контекстах было отчетливо классовым: объединяющим вокруг идеологических координат и политики партии и в то же время репрессивным по отношению ко всякому уклоняющемуся от этого курса. Не случайно самым серьезным обвинением, прозвучавшим в дискуссии, стало обвинение в отрыве от своего класса, что, как подчеркивал С. Васильев, вело «неокрепших ребят» к гибели. Критик вопрошал: «Почему Есенин так глупо погиб?» И тут же отвечал: «У него не было под ногами твердой почвы, он не пошел ни к рабочим, ни к новой деревне» [9]. «Оторвавшись от завода, от рабочей массы, ребята сразу теряют свой жизненный путь», — убеждал он читателя [Там же].

Надо отдать должное: путь к гибели, указанный С. Васильевым, не был только фигурой речи. 27 февраля 1927 г. «На смену!» публикует статью В. Василевского «Смерть Аверьяна Голго». Аверьян Гольий — псевдоним автора рассказов и очерков в уральской прессе, председателя правления Белорецкого рабочего клуба и редактора стенной газеты «Гудок» Николая Михайлова. В том же феврале 1927 г. он повесился перед портретом Есенина прямо в клубе. Смерть сопровождалась бутафорскими жестами: в грудь улыбающемуся на портрете Есенину самоубийца воткнул алую бумажную розу, а петлю себе он соорудил из шелкового

кашне. В статье не приводились конкретные причины поступка писателя, но много говорилось о его богемном образе жизни и все о том же отрыве от рабочей среды [7].

Усиление идеологического диктата и отчетливый вапповский курс, который взяла группа в 1926–1927 гг., спровоцировали конфликт самоопределения и самоописания поэтов, когда необходимость быть у читателя на виду требовала, по сути, отказа от литературы как таковой или повторения газетных клише в высказываниях. И если В. Макаров и В. Тарбеев, охотно использующие язык деклараций в своих критических статьях, но позволявшие определенную свободу в поэзии, после проработки лишь потеряли в литературном статусе, то гораздо драматичнее сложилась судьба В. Шипулина, насменовца более романтического склада, не пожелавшего (до определенного времени) осваивать идеологически скорректированный язык самоописания группы. В частности, из статьи, вышедшей в газете 3 февраля 1927 г., становится известно, что 14 января на собрании группы, разбиравшей стихи В. Шипулина, в ответ на обвинения в пессимизме и противоречии идеологии рабочего класса поэт сказал, что «никакой роли у рабочего класса в истории нет, кроме роли... толпы», и подчеркнул, что настоящий поэт и должен находиться в противоречии с классом, ибо место обитания поэта – Парнас [13]. Язык советской газеты очевидным образом вступил в конфликт с языком поэта-романтика. Неудивительно, что В. Шипулина, демонстративно отказавшегося признавать установки ВАППа, исключили из группы. Впрочем, пути судьбы неисповедимы, ибо главный зачинщик идеологических проработок 1926–1927 гг. С. Васильев уже в 1928–1929 гг. написал ряд произведений с узнаваемым есенинским колоритом, в связи с чем критик К. Боголюбов породил дериватив «васильевщина». А в 1930 г. С. Васильев сам стал объектом проработки: он был исключен из УралАППа и уехал с неопределенными перспективами в Нижний Тагил, где след его затерялся [25].

Разговор о кумирах пишущей молодежи наводит на мысль об осознанно декларируемом авторами бесед круге чтения, также обозначающем групповые идентичности и влияющем на языки самоописания насменовцев. При том что этот круг в контексте эпохи довольно предсказуем: сюда вошли разрешенная классика (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Брюсов), авторы «Кузницы» и «Октября» (В. Кириллов, И. Доронин, С. Обрадович), популярные комсомольские поэты (А. Жаров, А. Безыменский). Именно их чаще всего называют литконсультантами, озабоченные вопросами обучения молодежи. Не менее интересен в этом смысле список не рекомендованных к чтению поэтов. Например, кроме «нашего лучшего порнографиста Федора Сологуба» сомнительными в рубрике объявляются Лохвицкая и Ахматова – за «салонные изыски» их критикует вычищенный из литгруппы, но не желающий уходить из литературы, а потому все-таки освоивший газетные клише В. Шипулин [43]. Показательно, что именно Шипулин, пусть и в критическом ключе, открыто демонстрирует знакомство с поэзией Серебряного века, явно повлиявшей на его мировосприятие и язык самоописания.

Влияние «попутчика» Маяковского и футуризма в целом тоже нередко вызывает опасения критиков. В 1927 г. С. Васильев, только что разгромивший

«есенинщину», добирается до футуризма и его вождей. Критик пишет, что «футуристы иногда заносчиво поднимают голову и громыхают что-то красивое, но непонятное», и определяет Маяковского как деклассированного индивидуалиста, воспринимающего революцию лишь внешне, хотя и пытающегося двигаться в сторону пролетарских авторов [10]. 6 августа С. Васильев, собравший отклики читателей на произведения Маяковского и Асеева, торжественно констатирует: «Стихи футуристов, оказывается, ничего массовому читателю не дают, они непонятны и... не нужны. Таков приговор наших читателей. <...> Они пишут не для масс рабочих и крестьян — хозяев страны, а для маленькой кучки интеллигенции — вот в чем их главное горе» [8].

Указанный круг чтения пролетарских авторов не просто свидетельствовал об обязательности почитания классиков и подчеркивал пролетарский и комсомольский аспекты идентичности группы, но явно был необходим для легитимации создаваемой «новыми писателями» словесности: если насменовец апеллирует к Пушкину и пишет, как Обрадович, его претензии на место в советской литературе выглядят уже небезосновательными.

Но вернемся к литературной учебе, являющейся основной задачей критических разборов в рамках литературной страницы. Для ее эффективности было вовсе недостаточно работы над предлагаемым списком чтения. Литконсультанты вынуждены были учить так называемых начинающих литературным азам: как выбирать тему для произведения, как выстраивать сюжет, как конструировать художественный образ, как рифмовать и т. п. «Совет: почитайте хороших стихов, хороших поэтов и поучитесь у них размеру, ритму в стихе» [26]. «Главный недостаток поэмы — в отсутствии хорошего, свежего образа» [31]. «Где здесь чувство художественного вкуса? В чем здесь художественная ценность? Не будет ли это стихотворение являться сплошной вермишелью, безотчетной и лозунговой белибердой?» — восклицали критики, требуя от автора технического совершенства [33]. Но если говорить о процентном соотношении претензий к мастерству и претензий к политической составляющей произведений, то, несомненно, вторые составят 70, а то и все 80 % от всего представленного в рубрике. Ведь так или иначе основной разговор в литбеседах сводился к тематике произведений, а большую часть времени литконсультанты занимались корректировкой идеологического дискурса и политического курса начинающих, форматируя их по существующим в коллективном представлении нормативным образцам.

Идея формовки, форматирования овладевала и самой литстраницей. Уже в 1926 г. начинается период авторефлексии, безусловно, связанный с запущенным процессом перестройки «комсомольской литературной школы» «в контексте новых идеологических установок» [27, 122]. 25 марта увидела свет статья Я. Алданова, попытавшегося разобраться в специфике происходящего в газете. Его претензии сводились к тому, что литстраница слишком поощряет молодых авторов тем, что публикует их произведения [1]. Вслед за Я. Алдановым, положившим начало продолжительному разговору о функционале литературной страницы, пришли другие. В. Реут выдвинул лозунг «Даешь писателей!» и потребовал публикации разбора рассказов, помещенных на литстранице [37]. Тот же лозунг, но

детализированно повторил В. Василевский в своем ответе В. Реуту: «Мы должны не ограничиваться хлесткой фразой, двумя, тремя замечаниями о помещенных в литстранице “На смену” рассказах, а вдумчиво и серьезно поговорить о мерах, которые могли бы облегчить и ускорить мучительный рост молодого писателя, сохранив неуклонную прямо́ту (гарантия от уклонов и колебаний) роста» [6].

23 апреля 1927 г. с радикальными обвинениями литстраницы выступил В. Тюменев: «Не кажется ли вам, что литстраничка “На смену!” толчется на одном и том же месте, что она застыла на одной форме преподношения материала? Мне кажется, что в современном виде литстраничка мертва» [41]. Литстраница не ведет работу по обзору книжных и журнальных новинок, не помещает материалы юбилейного и мемориального характера, не освещает особенности литературной борьбы, которую ведет ВАПП, и т. д. Важно, что эти обвинения позволяют понять специфику именно литературной страницы газеты «На смену!», ибо все перечисленное из того, что не делала молодежная газета, делалось, к примеру, в рамках литстраницы «Уральского рабочего», являющейся рупором УралАППа. Таким образом, «На смену!» еще раз зримо обнаруживала привязанность к конкретной локальной группе и идее литературной учебы. Публикация критической статьи В. Тюменева в самой «На смену!» манифестировала все тот же взятый ранее курс на слияние с УралАППом и политический отказ от молодежных и каких-либо иных инициативных группировок. А это, в свою очередь, подчеркивало отказ от некоторых аспектов прежней групповой идентичности, связанных, в первую очередь, с молодежной самоидентификацией литгруппы.

Ответы на статью не заставили себя ждать. 15 мая в дискуссию вступил А. Исетский, раскритиковавший литературные страницы обеих свердловских газет, а в отношении «На смену!» высказавший мысль о том, что «нельзя интересами писательского молодняка заслонять интересы читателей», которым нужна отнюдь не учебная лаборатория, а живая литература [23]. Концепт литучебы впервые был поставлен под сомнение в связи с необходимостью более тщательного управления литературными процессами.

Развернувшаяся в 1927 г. дискуссия, породившая целую серию статей и замечаний, привела к тому, что рубрика с беседами и обзорами пришла в упадок — ее актуальность стала сомнительной. В сентябре 1928 г. начинающий поэт Б. Дробиз даже обратился к редакции с просьбой вернуть беседы в газету, однако этот запрос остался без ответа. Тем более что в 1928 г. наступило время еще одной дискуссии, которую условно можно назвать «спором о елке». Ее начало снова положила статья В. Тюменева, резкая по отношению к начинающим авторам, их литературному таланту [40]. В последующих номерах В. Тюменеву попытались ответить В. Камский и Б. Дробиз. Впрочем, ответы эти были не очень убедительны. 6 октября газета опубликовала развернутый отклик Б. Иньвина, в целом поддержавшего В. Тюменева и очень иронически подошедшего к разбираемому материалу. «У Зенова камыш запел каноны не хуже церковного хора»; «Пономарев живет на Урале, видит его жизнь и в то же время пишет о “девушке с татуированными грудями”» [22]. Начинающим напомнили, что они только начинающие и что путь в литературу долг и тернист. Очевидно, что дискуссия

«о елке» также представляла обновленную концепцию литучебы, очищенную от привязанности к локальной группе, и открывала новую эпоху работы с начинающими писателями.

В октябре 1928 г. в Свердловске вышло двухнедельное приложение к газетам «Уральский рабочий» и «На смену!», получившее название «14 дней». Именно туда была перенаправлена энергия литгруппы (в том числе критическая) и именно там произошло окончательное ее растворение в поддерживаемом региональными властями УралАППе. В октябре 1929 г. УралАПП открыл кабинет начинающего писателя, напрямую занявшись литконсультированием.

Литературные беседы в «На смену!» возобновились только в конце 1929 г. 14 декабря газета опубликовала статью А. Матусевича, представляющего литконсультацию УралАППа. «Стихотворный поток, заливающий газеты “На смену!” и “Уральский рабочий”, доказывает, что в массах пробуждается огромный интерес к вопросам литературы и желание самим описать небывалую эпоху строительства социализма. Уральская АПП, желая взять большевистское руководство этим стихийно возникшим движением, организовала кабинет начинающего писателя и при нем литературную консультацию» [34]. Статья представила массовое движение в литературу как только зарождающееся явление, тем самым принципиально оставляя позади работу литературной группы «На смену!».

Мы видим, что литературная страница газеты «На смену!» запечатлела основные моменты, связанные с появлением, самоопределением, изменением политического курса и смычкой литгруппы с более обширным и четко управляемым вапповским движением. Группа, изначально определяющая себя как комсомольско-пролетарская, была вынуждена последовательно отказываться от каких-либо иных концепций литературного творчества, кроме вапповской, комсомольской/молодежной доминанты идентичности, концепта литературной учебы и работы с начинающими авторами. Фактическая смена вывески, превращение группы в СвердловАПП в 1930 г. — это завершающая точка процесса, начавшегося несколькими годами ранее, ибо «На смену!» как довольно самостоятельное объединение просуществовала недолго. Языки самоописания группы, сформированные изначально под влиянием пролетарской критики, неизменно идеологизировались, формулировки критических высказываний чем дальше, тем очевиднее ограничивались газетными клише, которые, по сути, вытесняли из издания и из региональной литературы в целом художественное слово.

-
1. Алданов Я. О характере литературной страницы «На смену!» // На смену! 1926. 25 марта.
  2. Батин М. Было это так... // Слово о товарищах: Воспоминания об уральских писателях. Свердловск, 1980. С. 3–15.
  3. Боголюбов К. В. Годы и встречи : воспоминания. Свердловск, 1975. 127 с.
  4. Боголюбов К. От станка к богеме. (Васильевщина) // Рост. 1930. № 11–12. С. 60–68.
  5. Брут В. Наше творчество // На смену! 1925. 25 янв.
  6. Василевский В. Вопросы литературной учебы. На статью Вик. Реута «Даешь писателей!» // На смену! 1927. 6 февр.
  7. Василевский В. Смерть Аверьяна Голого // На смену! 1927. 27 февр.

8. *Васильев С.* «Короб шрапнели» или футуризм // На смену! 1927. 6 авг.
9. *Васильев С.* Есенин и «хулиганство в стихах» // На смену! 1926. 21 окт.
10. *Васильев С.* Кратко о футуризме и его вождах // На смену! 1927. 8 июня.
11. *Васильев С.* О налетных настроениях // На смену! 1927. 8 мая.
12. *Васильев С.* Самое дорогое — комсомол. Литературная беседа // На смену! 1927. 12 марта.
13. *Васильев С., Исетский А.* О поэте без идеологии // На смену! 1927. 3 февр.
14. Власть и художественная интеллигенция: док. ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999. 872 с.
15. *Волин Б.* О «Литературной страничке» «На смену!» // На смену! 1926. 3 июня.
16. *Добренко Е.* Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. 557 с.
17. Екатеринбург литературный: энцикл. словарь. Екатеринбург, 2016. 448 с.
18. *Ермилов В.* О творчестве Макарова // На смену! 1926. 17 янв.
19. *Журавлева Н. С.* Зарождение организационных форм челябинского литературного движения // Литература в контексте современности: жанровые трансформации в литературе и фольклоре. Челябинск, 2015. С. 228–233.
20. *Журавлева Н. С.* Коллективные формы литературного процесса на Урале в 1925–1932 гг. // Урал. ист. вестн. 2009. № 1 (22). С. 94–100.
21. *Журавлева Н. С.* Литературные и художественные объединения на Урале в 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004.
22. *Иньвин Б.* Слезайте с «елки», учитесь писать! // На смену! 1928. 6 окт.
23. *Исетский А.* Нужно литературное приложение // На смену! 1927. 15 мая.
24. *Исетский А.* О хулиганстве в поэзии. На статью С. Васильева // На смену! 1926. 7 нояб.
25. *Исхаков Р. Л.* Сергей Васильев и Константин Боголюбов: поединок поэта и критика литературной группы газеты «На смену!» // Литература Урала: история и современность. Вып. 3: в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 93–111.
26. *К. П.* Беседы с начинающими писателями и поэтами. О ритме в стихе и колонне пионеров // На смену! 1925. 24 июня.
27. *Корниенко Н.* Литературная критика и культурная политика периода нэпа: 1921–1927 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпоха / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. С. 69–141.
28. *Левченко М.* Коллективный субъект поэзии Пролеткульта [Электронный ресурс]. URL: <http://proletcult.narod.ru/mlev.htm> (дата обращения: 01.03.2018).
29. *Макаров В.* Беседа с начинающими писателям и поэтами // На смену! 1926. 28 февр.
30. *Макаров В.* Беседа с начинающими писателями и поэтами // На смену! 1926. 4 апр.
31. *Макаров В.* Беседы с начинающими писателями и поэтами. В порядке отзывов // На смену! 1926. 31 янв.
32. *Макаров В.* Литературная беседа // На смену! 1926. 22 авг.
33. *Макаров В.* О стихотворной белиберде // На смену! 1926. 8 авг.
34. *Матусевич А.* Беседа о литературе. Ответы на стихи без адреса // На смену! 1929. 14 дек.
35. *Медякова Е.* Страницы жизни // Слово о товарищах: Воспоминания об уральских писателях. Свердловск, 1980. С. 101–112.
36. Наше творчество // На смену! 1925. 10 июня.
37. *Реут В.* Даешь писателей! // На смену! 1927. 6 янв.
38. *Скор.* Беседы с начинающими писателями и поэтами // На смену! 1925. 7 окт.
39. *Тарбеев В.* Литературная беседа // На смену! 1926. 14 окт.
40. *Томенев В.* «Я на елку залез — настраивайтесь...» // На смену! 1928. 26 авг.
41. *Томенев В.* В чем я обвиняю литстраничку // На смену! 1927. 23 апр.
42. Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. 160 с.
43. *Шитулин В.* Разуй глаза, тов. поэт // На смену! 1927. 27 марта.